

А. О. ТРОФИМОВА

О МЕСТЕ ПОСЛЕЛОГОВ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
УДЭГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

В удэгейском языке исследователи выделяют следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие; служебные разряды слов (иногда их относят к служебным частям речи): союз, частица, послелог (Кормушин, 1998). Также выделяются супин и кондициональ (именные формы глагола) (Сунник, 1968в), имя качества, образные слова (Kyalundzyuga, Simonov, 1998, p. 18–23). В «Грамматике удэгейского языка» исследуются следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, глагол (в том числе причастие, деепричастие и инфинитив как отглагольные формы), местоимения, наречия, послелоги, числительные, частицы, междометия и звукоподражания (Nikolaeva, Tolskaya, 2001)*.

Прежде всего, определим, каковы критерии выделения слов в части речи. На этот вопрос нет однозначного ответа, тем не менее высказываемые точки зрения имеют право на существование. Так, по мнению Н. М. Терещенко, «разграничение частей речи наиболее последовательно проводится на основе их четкого морфологического выражения» (Терещенко, 1968, с. 297). Однако, на наш взгляд, наличие одного этого критерия для выделения частей речи представляется недостаточным.

По мнению исследователей И. Е. Аничкова и А. Е. Михневича, при выделении частей речи в разных языках нужно учитывать семантический и функциональный критерии, так как они определяют вхождение слова в ту или иную часть речи (Михневич, 1968, с. 154; Аничков, 1968, с. 121). Согласно И. Николаевой и М. Тольской, «основные открытые классы слов (существительные, глаголы, прилагательные и наречия) могут быть легко выделены по морфологическому и синтаксическому критериям» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 98).

В. А. Аврорин и В. И. Цинциус опираются на три критерия при разделении слов на части речи: «часть речи – это лексико-грамматическая категория, объединяющая и выделяющая разряды слов по свойственному каждому из них (разрядов) особому типу сочетания определенных категориально-семантических, морфологических и синтаксических признаков» (Аврорин, 1959, с. 91; Цинциус, 1968, с. 307).

Мы выделяем в удэгейском языке следующие самостоятельные части речи: имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие. За ос-

* Работа И. Николаевой и М. Тольской «Грамматика удэгейского языка» написана по-английски, все цитаты из нее даются в нашем переводе на русском языке.

нову берем предложенный О. П. Суником принцип – выделять части речи по общеграмматическому значению слов: «классификация слов по частям речи является не формальной, а содержательной – семасиологической. В ее основе лежат... общеграмматические значения слов, имеющие существенные отличия не только от собственно лексических значений, свойственных каждому полнозначному слову в отдельности, но и от частных грамматических значений, свойственных тем или иным классам слов» (Суник, 1968а, с. 41; См. также Суник, 1966).

Местоимения, причастия, деепричастия, числительные, «образные слова» и спорные разряды слов («имена качества» и подобные), согласно этому принципу, не являются самостоятельными частями речи, их мы относим в соответствующие разряды внутри упомянутых четырех частей речи. При таком подходе за пределами частей речи остается группа служебных слов – послелогов, а также частиц, междометий и звукоподражаний.

Общекатегориальное (общеграмматическое) значение имени существительного – предметность. К классу существительных относятся слова, обозначающие предмет в широком смысле. При этом они имеют частные лексические значения: названия животных, птиц, рыб: *огбиэ* – лось; *чинчиба* – синица; *дава* – кета; термины родства: *мамаса* – жена; *амин* – отец; предметы быта и охоты: *тада* – стрела; *суала* – лыжи; *игиси* – воспитание; *эили* – выделка (шкуры); *нгич'а* – детство и др.

«Абсолютное большинство существительных в удэгейском языке имеют типовое номинативное значение: они обозначают физические объекты – счетные единицы или неисчислимые понятия. Очень небольшое количество существительных обозначает абстрактные понятия, такие как состояние, деятельность, результаты или качества» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, р. 99).

Частные грамматические значения, свойственные существительным удэгейского языка: изменяемость по числам и падежам, а также категория притяжательности (принадлежности).

В удэгейском языке различаются два вида принадлежности: органическая и отчуждаемая (Кормушин, 1998; Nikolaeva, Tolskaya, 2001). Органическая принадлежность образуется по схеме *основа + надежный аффикс + возвратный аффикс*: *Би нгалаи* – Моя рука; *нуани нгалани* – его рука. Формы отчуждаемой принадлежности выражают отношения собственности: *Би дилингии* [я голова-Отч. прин.-личн.-прит. 1 л. ед. ч.] – Моя голова – голова убитого мною зверя, принадлежащая мне.

Синтаксические функции имени существительного следующие: в предложении оно может выступать в роли подлежащего *сол'о диэлиэни* – поползень летел; дополнения *камисивэ нгиэнтлэни* – короб открыла-она; обстоятельства *ункиалагани камиси дзугдиги* – утащила-она туесы

домой; именной части сказуемого ...*ути-дэ бобои бини* – это талисман; *омос'о ни накта биз* – некий человек кабан (есть)*.

Общеграмматическое значение имени прилагательного – обозначение статического и динамического признаков предмета (отвечает на вопрос *какой?*). В тунгусо-маньчжурских языках (в частности, удэгейском) прилагательные грамматически неизменяемы (нет согласования и притяжательности). «Изменение прилагательных по числам, падежам и формам притяжания означает их субстантивацию, переход в разряд существительных» (Суник, 1968б, с. 59).

«В отличие от существительных и глаголов, удэгейские прилагательные представляют довольно неопределенный грамматический класс. Во многих отношениях они морфологически и синтаксически ведут себя как существительные и определительные глаголы (причастия)» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, р. 171).

На наш взгляд, прилагательные представляют определенное множество, так как в предложении они выполняют только две функции – определения к существительному (присоединяясь к нему по способу примыкания): *нгич'а нй* – маленький человек – *исэми нгич'а нивэ* – вижу маленького человека и составной части именного сказуемого: *кава сагди бисини* – балаган большой (есть).

Если определяемое существительное опущено, то прилагательные (в том числе с числовым значением) могут принимать различные падежные аффиксы. Например, ...*о'ни дзу тадава*: *омос'о тада ганга сэлэди, гагда ни – огбиэ гиамадзини* [Делать-прош.-3 л. ед. ч. два стрела-вин. пад.: одна стрела сталь-тв. пад, другая-прит. 3 л. ед. ч. лось кость-тв. пад.-прит. 3 л. ед. ч.] – ...сделал-он две стрелы: одну из стрел из стали, другую – из лосиной кости (Фольклор удэгейцев, с. 94). *Омо камисилэ нэдэни нэнгу улэвэни, гагдалани – гиамавани, надиандилани – нэнгудзигэ диливэни-мулэ* – В один туес поместил-он волчье мясо, в другой – кости-их, в седьмой – волчьи головы все (Там же, с. 206).

Категориальное значение глагола – обозначение действия, совершаемого субъектом или над субъектом, выраженным существительным. Частнограмматические категории – наклонение, время, число-лицо.

Синтаксическая функция глагола – предикат в предложении: *гагда ни мзимэдзи сугзава акисини* – другой человек острой рыбу колот.

Общекатегориальное значение наречия – обозначение признака признака или признака действия. В удэгейском языке по семантике выделяются следующие разряды наречий: качественные, количественные, степени, места, времени (Суник, 1968в, с. 227). И. Николаева и М. Тольская отмечают, что «семантическая классификация достаточно условна, потому

* По техническим причинам мы заменяем специфические значки удэгейского алфавита обычными буквосочетаниями.

что многие наречия многозначны и передают два и более значений» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 365).

В предложении наречие выполняет обстоятельственную функцию.

«Наречия функционируют как глагольные модификаторы или свободные члены предложения; наречия степени определяют прилагательные, существительные и другие наречия» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 365). С нашей точки зрения, только прилагательное может определять существительное; по-видимому, в таком случае в определителе существительного реализуются свойства прилагательного, а не наречия.

Рассмотрим такие несамостоятельные группы слов, как местоимения, причастия, числительные, деепричастия. В зависимости от категориального значения они попадают или в класс существительных, или в класс прилагательных, или в класс наречий.

Выделяя класс местоимений и рассматривая их в рамках традиционной семантической классификации (личные, возвратные, взаимные, указательные, вопросительные, неопределенные), авторы «Граматики удэгейского языка» справедливо замечают, что «морфологически и синтаксически местоимения распределяются по четырем классам: местоимения-существительные, местоимения-наречия, местоимения-прилагательные и местоимения-глаголы. Каждый класс проявляет такие же морфологические категории, как обычный соответствующий грамматический класс, а также сходное синтаксическое «поведение»» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 333).

На наш взгляд, морфологические и синтаксические функции являются отражением основного критерия – общеграмматического значения.

Таким образом, к группе существительного относятся:

а) личные и лично-вопросительные местоимения – *би* – я, *нуани* – он / она, *йэу* – что, *ни* – кто;

б) слова с числовым значением – *тумэ* – миллион, *тунга* – пять, *пятерка*, *танггу* – сто, *нада* – семь и под. «Простые формы количественных числительных выполняют определительную и предикативную функцию. Кроме того, как большинство других модификаторов, количественные числительные могут быть независимыми в позиции аргумента. В последнем случае они принимают надежные показатели: *Дзактума б'агизни* – Он нашел восемь (барсуков)» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 420).

в) причастия – *Йэвэ-дэ гадаи дзалитиги нэуги* – Что-то купленное / какую-то покупку в амбар относишь; *гадаи* – прич. от *гада* – купить.

Причастия, приобретающие показатели существительных, мы относим к разряду причастий-существительных: *Тукчэи-гэту, нуати гиамати гула хэгиэнтуни биэ* [Хотеть-подняться-прич.-сущ. мн. ч., они кость-вин. пад.-прит. 3 л. мн. ч. скала у подножия-прит. 3 л. ед. ч. быть-наст.-3 л. ед. ч.] – Кости хотевших подняться у подножия горы находятся (букв.: хотевшие подняться, они кости-их...); ...*сугдзава ваи, багди-гэту г'аи дигалати* [рыба-вин. пад. добывать-прич., жить-прич.-сущ. мн. ч. ворона есть-прич.-

3 л. мн. ч.] – ...рыбу добывать буду, живущих ворон кормить (Фольклор удэгейцев, с. 98; 74).

К классу прилагательных относятся:

а) количественные и порядковые числительные – *омос'о нй* – один человек; *Минэвэ мафалалаи буэти дза омо сэду* [Я-вин. пад. замуж-прит. 1 л. ед. ч. отдавать-наст.-3 л. мн. ч. одиннадцать год-дат. пад.] – Меня замуж выдали в одиннадцать лет / *одиннадцати лет* (Фольклор удэгейцев, с. 288). В этом случае они выступают в роли определения. «В некоторых случаях количественное числительное используется вместо порядкового в его атрибутивной функции: *Тунга биаду эгди киафа* – В пятом месяце много клещей» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 424).

б) указательные, вопросительно-относительные и притяжательные местоимения – *ути, эи* – этот, *онобуи* – какой, *ута-бэбуи* – такой, *мингини* – мой, *сингини* – твой, а также *би, си* и другие в притяжательных сочетаниях (*би нгалаи* – моя рука), омонимичные местоименным существительным;

в) причастия-прилагательные: *Вакчаити тэгэти хонгто бисини, дэумпиту тэгэти хонгто бисини* – Охотничья одежда-их одна была, для отдыха одежда-их другая была (вакчаити, дэумпиту – прич. 3 л. мн. ч) (Фольклор удэгейцев, с. 290).

В класс наречий мы относим

а) деепричастия: *Нинтадзига улэвэ гадзисити, антадзига суг'эси вагисити* [мужчина-мн. ч. мясо-вин. пад. привозить-3 л. мн. ч., женщина-мн. ч. нарезать-полосками-дееприч. сушить-3 л. мн. ч.] – Мужчины мясо привезут, а женщины, нарезав полосками, сушат (Фольклор удэгейцев, с. 290);

б) некоторые числительные (разовые: *дилидзэ* – четырежды; разделительные: *омо-омо, омондзи* – по одному, *дзу-дзу* – по два; *дзунгэ* – вдвоем, *илани, иланинга* – втроем). Близость указанных разрядов числительных к наречиям была отмечена еще О. П. Суником (Суник, 1968в, с. 219).

Необходимо сказать несколько слов о таких разрядах, как «имя признака», «имя качества», «имя времени», «имя действия» в тунгусо-маньчжурских языках (Аврорин, 1959; Аврорин, 2000; Kyalundzyuga, Simonov, 1998; Кормушин, 1998).

Выделение таких частей речи, на наш взгляд, представляется некорректным. Что касается положения подобных частей речи в системе, то В. А. Аврорин отмечает, что «имя качества», «имя признака» и «имя времени» занимают промежуточное положение между существительными, прилагательными и наречиями качественной или временной семантики соответственно. Отмечается также совмещение основных морфологических особенностей и синтаксических функций, свойственных существительным, прилагательным и наречиям (Аврорин, 1959, с. 222, 229; Аврорин, 2000, с. 98).

С нашей точки зрения, в данном случае не разделяются понятия «язык» и «речь». На уровне языка имеется синкретичная единица, обладающая указанными свойствами. Но в речи каждое слово реализует только одно из

потенциально заложенных в нем значений. В данном случае проявляется конверсия.

Что касается «имен качества» в удэгейском языке, то, по-видимому, их разряды можно рассматривать в пределах выделенных нами частей речи – существительных, прилагательных и наречий (в рамках соответствующих лексико-грамматических групп).

Дело в том, что одной из особенностей удэгейского языка является конверсия – явление, вследствие которого слово может реализовывать одно из потенциально заключенных в нем категориальных значений разных частей речи. Конверсия является безаффиксным способом словообразования, при котором назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве другой части речи. При этом слову сопутствуют морфологические показатели и синтаксическая функция той части речи, которую оно реализует. Конверсия и аффиксация оказываются конкурирующими словообразовательными приемами.

В «Грамматике удэгейского языка» конверсию называют «нулевой деривацией»: «Под нулевой деривацией (нулевым словообразованием) мы подразумеваем тип образования слов, при котором слово переходит в другой грамматический класс без морфологических показателей» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 166).

«Имена действия», выделяемые И. В. Кормушиным, на самом деле являются либо причастиями, «получающими в этих случаях именные категории принадлежности и падежа» (Кормушин, 1998, с. 98), либо отглагольными существительными со значением цели и условия (мы рассматриваем такие единицы в рамках класса существительных. – А. Т.).

Таким образом, выделение «имен качества», «имен действия», «имен признака», «имен времени» и подобных в специальные части речи нам представляется ошибочным. В данном случае мы имеем дело со словами, которые попали в разные части речи вследствие конверсии. Данные слова мы рассматриваем в пределах имен существительных, имен прилагательных и наречий соответствующей семантики.

Кратко остановимся на следующем спорном вопросе – выделении «образных» слов. М. Д. Симонов замечает, что «выделяет их особая семантика (очень конкретный зрительный или слуховой образ), фонетическая структура и морфология (возможность оканчиваться на согласный, нередко повторение конечного слога или всего слова; особые, свойственные только этой категории, суффиксы)» (Kyalundzyuga, Simonov, 1998, p. 22).

И. В. Кормушин рассматривает «звукообразные слова» удэгейского языка вместе с междометиями, отмечая, что подобные слова, «характеризуя в целом ситуацию предложения или уточняя способ действия, примыкают к глаголу как его обстоятельство, а потому грамматически ближе к наречиям» (Кормушин, 1998, с. 101).

По синтаксической функции – определение к имени (подобно прилагательным) и определение к глаголу (подобно наречиям) – М. Д. Симонов относит образные слова к «именам качества». В то же время он задается вопросом: «составляют ли образные слова единую лексико-грамматическую группу в пределах «имени качества» или, как местоимения, распределяются по нескольким категориальным разрядам (в частности, прилагательное, наречие и имя качества)» (Kyalundzyuga, Simonov, 1998, p. 22).

В исследовании В. А. Аврорина отмечается, что в маньчжурском письменном языке образные слова представляют класс, который можно «рассматривать как особую часть речи, принципиально отличную по своим семантическим и грамматическим особенностям и от всех имен, и от всех глагольных слов» (Аврорин, 2000, с. 217, 218).

По мнению авторов «Грамматики удэгейского языка», «образные слова – это широкий и особый класс наречий образа действия в удэгейском языке» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 381).

На наш взгляд, образные слова не являются особой частью речи, так как их категориальное значение не является особым, оно укладывается в рамки категориальных значений, выделяемых для известных четырех частей речи. Скорее всего (мы разделяем мнение И. Николаевой) образные слова можно рассматривать как один из разрядов наречий. Но ничто не препятствует также рассматривать их как один из разрядов прилагательных, в которые они могли реализоваться вследствие конверсии. В предложении образные слова, как правило, являются обстоятельством образа действия: *Би'аса улини чонгилини-чонгилини эйзи, омо угбэдиги, чаихи угбэдиги куасилиэ-мондоли'э эйэлиэни* – Река журча текла с переката на перекат / с одного переката на дальнейший, делая петли, кружась по излучинам, текла-она (Kyalundzyuga, Simonov, p. 494); *Инэнги таундини ули ки'афа лонгкинг-лонгкинг хулисини* – Каждый день вдоль берега реки, покачивая вверх и вниз головой, ходила-она (Фольклор удэгейцев, с. 74).

Иногда образное слово может быть составной частью именного сказуемого (подобно прилагательным): *Ути су дуль-дуль одони, биа одони* – Это солнце тусклым-тусклым стало, луной сделалось.

Итак, мы рассмотрели знаменательные части речи удэгейского языка: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Такие группы слов, как местоимения, причастия, числительные – в зависимости от лексико-семантических разрядов – являются разрядами существительных (если обладают категориальным значением предметности), прилагательных (если обозначают признак предмета), наречий (если характеризуют признак или действие). Разовые, разделительные, собирательные числительные и деепричастия мы рассматриваем как разряды наречий. Такие слова, как «имена качества», «имена действия» и «образные слова», мы не выделяем, рассматривая их внутри существительных, прилагательных и наречий, а также отмечая конверсивный переход подобных слов в данные части речи.

Перейдем к описанию служебных слов. К ним относятся частицы (частицы часто выступают в роли союза), междометия и послелого. Особенно часто частиц является то, что они не конструируют фразу и к ним нельзя задать вопрос; они не имеют самостоятельных категорий и синтаксической функции, а также употребляются только в сочетании с другими словами.

Что касается междометий и звукоподражаний, то их можно выделить в отдельную группу; от частиц они отличаются тем, что могут употребляться самостоятельно. Сходство с частицами заключается в отсутствии категориального значения и как следствие синтаксической функции: *Гэ, су йэми улэсиу топтивва?* – Эй, вы зачем раскапываете очаг? *Йэу мо тэхэни бини бу хоктолау, конг-конг?* – Что за пень на нашем пути, конг-конг? (Фольклор удэгейцев, с. 84; 246).

Послелог получил свое название по позиции, которую он занимает относительно главного (знаменательного) слова – он ставится после знаменательного слова (оно может опускаться, когда принадлежит к группе местоименных существительных): *...има хунгтар амиалани хуэнзидзини* – ...снег позади него клубами кружится (Фольклор удэгейцев, с. 206).

Приведем одно из определений послелогов: «Послелогом называется служебное слово, которое ставится после имени, местоимения или субстантивированного слова и выражает те же отношения, что и падежи. Послелог конкретизирует, дифференцирует, детализирует общую грамматическую идею, заключенную в падежной форме, или же оформляет новое значение, не представленное в системе падежей» (Болдырев, 2000, с. 464).

Наличие послелогов сближает удэгейский язык не только с родственными нанайским, маньчжурским, эвенкийским, но и с семьей урало-алтайских языков, типологически сходных.

Отметим некоторые структурные и семантические особенности удэгейских послелогов, а также особенности сочетаемости с другими частями речи.

В удэгейском языке выделяются две группы послелогов: а) произошедшие от имен (отыменные); б) произошедшие от наречий (отнаречные, адвербиальные). По структуре, как правило, отыменный послелог состоит из основы, имеющей пространственное значение (верх, низ, передняя или задняя часть и т. п.), суффикса, обозначающего застывшую форму того или иного падежа, и показателя притяжательности. У некоторых (непроизводных) послелогов выделение суффиксов затруднено. Удэгейские послелого сочетаются только со словами класса существительного.

В «Грамматике удэгейского языка» послелогои распределяются по формальному критерию на изменяемые и неизменяемые (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, р. 400).

О. П. Суник рассматривает послелогои удэгейского языка как имена существительные, выполняющие служебную функцию (Суник, 1968в, с. 228). По нашему мнению, здесь мы имеем дело с омонимией, развившейся вследствие конверсии.

М. Д. Симонов к послелогом в удэгейском языке относил только адвербиальные послелогои, которые ведут себя как послелогои (если сочетаются с существительным) или как наречия (при сочетании с глаголом) (Куалундзууга, Simonov, 1998, р. 19): *Бэйэ! Су т'афа нагдайа!* – Лук! Прямо в солнце попади! (*су т'афа* солнце-прямо-в – беспадная ф-ма + посл) (Фольклор удэгейцев, с. 80). *Лузи-бэлиэ миавани т'афа тугэни* – Лузи-бэлиэ прямо в сердце попал-он (*миавани т'афа* сердце-ее прямо-в (лично-притяж. ф-ма + посл) (Там же, с. 96). *Йангкумиз, йэгдиг'эвэ т'афа лондони* – Изгоняя злого духа, егдыгу прямо рубанула-она (*т'афа* – наречие) (Куалундзууга, Simonov, р. 867); *Наму ки'афа оюоктоли нгэнэни йэгдиг'э* – Вдоль моря по песку шел егдыга (*Наму ки'афа* море-вдоль – беспад. ф-ма + посл.); *Ту суисини-тэнэ, будзи ки'афа-ки'афа сиктисима* – Если гас костер, кремнями друг о друга ударяли (*ки'афа-ки'афа* – наречие) (Фольклор удэгейцев, с. 94, 286).

По-видимому, в рассмотренных случаях находит свое отражение конверсия (а именно, переход слов из наречий в послелогои). Отметим, что адвербиальные послелогои не оформляются притяжательными аффиксами, сочетаясь со знаменательным словом по типу примыкания.

«Среди имен существительных особняком стоит группа слов с пространственной семантикой... Эти слова употребляются в основном в локативных падежах (дательном-местном, местном, направительном, исходном и продольном), причем у многих из них показатель направительного падежа (а иногда дательного-местного и исходного) имеют особую форму» (Куалундзууга, Simonov, 1998, р. 20).

В. А. Аврорин считает, что в маньчжурском языке послелогои выделяются как отдельный разряд служебных слов (Аврорин, 2000, с. 227).

Большая часть удэгейских послелогов произошла от имен существительных с пространственным, иногда с временным значением, образуя с этими именами омонимичные пары. На эту особенность указывал И. В. Кормушин (1998, с. 101). По нашему мнению, явление конверсии в языке не препятствует выделению послелогов в разряд служебных слов; омонимия между словами, принадлежащими к разным частям речи, наблюдается и в русском языке (сравните *дееприч. благодаря* – союз *благодаря*). К. А. Новикова отмечает омонимию послелогов («служебные имена» в ее классификации) и знаменательных имен в эвенском языке (*h'итк'и* стена – *h'итк'и* около) (Новикова, 1960).

По мнению И. Николаевой и М. Тольской, «большинство послелогов управляют именительным падежом, например, *тэнгу взилэни* – на стуле. Формы именительного падежа используются в некоторых устойчивых наречных сочетаниях, обозначающих течение времени или расположение во времени *гианга инэнги-ни* – весь день, *догбо инэнги* – ночь и день» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, р. 119, см. также р. 414). На наш взгляд, в данном случае нельзя говорить о падежной форме имени в послеложном соче-

тании, так как послелог выражает падежные отношения и получается, что мы допускаем наличие в слове двух падежей одновременно. Слово в контексте не может одновременно иметь два падежа, а имеет только один (отметим, что в словарях слова даются в беспадежной форме, а собственно падеж они приобретают в контексте). С нашей точки зрения, послеложное сочетание представляет собой притяжательную конструкцию, первый член которой – слово класса существительных – находится в беспадежной (абсолютной) форме, а второй – послелог – оформляется аффиксами падежа и притяжательности или примыкает к имени, не присоединяя показателя притяжательности. При этом управляет послеложным сочетанием глагол.

Приведем примеры послелогов в сочетании с соответствующим знаменательным словом в беспадежной форме: *нуани амиалани ту дзэгдзани* – позади нее все горело (послелог *амиалани* имеет основу *амиа* = – задняя часть; *-ла-* – суффикс Местного падежа; *-ни-* – притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. (букв.: она в задней части-ее)); *Нуани нгича бисини, ути ни киадини* – Он маленький был рядом с этим человеком, где *киадини* – *киа* = – край чего-либо + *-ди-* (дат. пад.) + *-ни-* (притяж. аффикс 3 л. ед. ч.). *Лонго долони ули хуилилиэни* – В котле вода закипела, где *долони* – *до* = – внутренность чего-либо + *-ло-* (Местн. пад.) + *-ни-* (притяж. аффикс 3 л. ед. ч.) (Фольклор удэгейцев, с. 96, 74).

Остановимся на случаях, когда существительные пространственной семантики имеют собственное (прямое) лексическое значение. При этом в предложении они функционируют как обстоятельства места: *Тэуни д'улангила тои гунэ*. – Все посередине / в середине лежат, видит (*д'улангила*: *д'уланги* = середина + *-ла-* – суффикс Местного падежа); *Нинта киаала-да эсини эмэ...* – Мужчина близко не подходит (*киаала*: *киа* = край + *-ла-* – суффикс Местного падежа); *Ау киадини дзугундэити* – Шапку по краям / Края шапки обшивали мехом (*киадини*: *киа* = край, кромка + *-ли-* (прод. пад.) + *-ни-* (притяж. суффикс 3 л. ед. ч.). *Дзаливэ элэлэ оти, би'аса элэлэни* – Амбар далеко сделали, далеко за рекой, где а) *элэлэ*: *элэ* = место в стороне отсюда + *-лэ-* (местн. пад.) – прямое значение; б) *элэлэни*: *элэ* = место в стороне отсюда + *-лэ-* (местн. пад.) + *-ни-* (притяж. суф. 3 л. ед. ч.): *би'аса элэлэни* (беспад. ф-ма + посл.) (Фольклор удэгейцев, с. 78, 288, 290, 288).

И. Николаева и М. Тольская считают, что «изменяемые послелогов восходят к притяжательным падежным формам существительных. Обычно они образуются от тех же основ со значением места, которые используются в словообразовании наречий. Хотя для большинства послелогов соответствующее имя не сохранилось в современном языке, в некоторых случаях словообразовательная связь все-таки проявляется. Таким образом, некоторые послелогов и исходные существительные сосуществуют, но демонстрируют разные категориальные свойства» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 400).

Послелогов наречного происхождения могут употребляться без притяжательных аффиксов: *Анана удизэ ули ки'афа багдиати* – Раньше удэгейцы

вдоль (берега) рек / по берегу рек жили; *Бэлиэ сангэа чуль нугиэни* – Бэле через дымоход вылезает-она (Фольклор удэгейцев, с. 286, 204). Случаи конверсивного перехода из наречий в послелогов приведены выше.

В удэгейском языке послелогов выполняют в предложении служебную функцию: связывают знаменательное слово и глагол, управляющий сочетанием «знаменательное слово + послелог», и уточняют лексическое значение знаменательного слова, к которому они относятся.

«Послелогов в удэгейском языке легко отличаются от падежных аффиксов как самостоятельные слова: им не свойственна гармония гласных, они длиннее и несут отдельное фонологическое ударение. Обычно они имеют внутреннюю морфологическую структуру и могут находиться вне собственного им окружения при координации как отличные от падежных аффиксов. Послелогов сочетаются с существительным, образуя более широкий конструкт (послеложную фразу) обычно с обстоятельственной функцией» (Nikolaeva, Tolskaya, 2001, p. 400).

Послелогов, восходящие к именам, – это обычно застывшие формы определенных падежей (в удэгейском языке – дательного, местного, направительного, продольного и исходного), например, *дзали хэгэихи эугиэни* – вниз с амбара спустился-он (*хэгэихи* – напр. пад. от *хэгизэ* = – низ, *-ихи-* суф. напр. пад., притяж. аффикса нет); *кава киаалани гусиэти* – возле балагана играли-они (*киаалани* – мест. пад. от *киа* =, *-ла-* суф. местн. пад., *-ни-* притяж. суф. 3 л. ед. ч.); *ути гайа саьактани бэлиэ иотиэни* – эта птица нагадила сверху на бэле (*иотиэни* – напр. пад. от *ио* = – поверхность, верхняя часть, *-тиги-* суф. напр. пад., *-ни-* притяж. аффикс 3 л. ед. ч.; букв. на верхнюю часть-ее).

Примеры послелогов с временным значением: *биа хэнги* – примерно месяц; *инэнги чадини* – за полдень; *инэнги тиг'а(ди)ни* – в полдень; *туэ монголиэ* – в течение зимы.

Существует критерий, позволяющий разграничить знаменательное и служебное слово – по функции в предложении: послелог или предлог отличается от знаменательных слов тем, что не может употребляться в качестве отдельного члена предложения, а только с тем именем, к которому он относится. К. Е. Майтинская упоминает признаки, по которым можно судить об обособлении послелогов от имен, – семантические, морфологические, фонетические. По семантическому критерию обособление происходит, когда именем, к которому восходит послелог, утрачено исходное значение либо изменилось значение служебного слова. По морфологическому критерию – у послелогов происходит «усечение парадигмы», т. е. используются только те падежные формы, которые восходят к локативным, служащим для выражения пространственных отношений. По фонетическому критерию – послелогов либо вообще не имеют собственного ударения, либо оно ослаблено (Майтинская, 1982, с. 36).

Применяя к удэгейскому языку классификацию К. Е. Майтинской, можно сказать, что произошло лишь частичное разграничение по семантиче-

скому критерию, так как большинство послелогов сохранило свою семантику, но отличие по морфологическому критерию выражено в большей степени (в качестве послелогов употребляются только формы определенных падежей). Послелогов не имеют ни общеграмматического значения, ни частнограмматических категорий.

Перейдем к описанию сочетаемости послелогов. Нас интересует вопрос: с какими частями речи могут взаимодействовать послелогов?

Послелогов сочетаются со словами класса существительных: собственно существительными, местоименными существительными, причастными существительными: *Кава д'улангилани то ту дзэгдэи бисини* – Посреди балагана костер всегда горел / горящим был; *Нгуами, укэ килани ин'аидзи гиэ нгуати* – Спавшие, рядом с дверью с собаками вместе спали-они (Фольклор удэгейцев, с. 286; 290); *Мо ча'дилани дигэнгкани* – За деревом спрятался-он; *Би инантаи ондилани тамайау дзу хаталава* – За / взамен моих племянников дайте мне двух девушек (лично-притяж. ф-ма 1 л. ед. ч. + посл.); ... *ути йадзи гусити дзоло ондилани* – [Две девочки] этими глазами играют вместо камешков (Фольклор удэгейцев, с. 80, 84, 242).

С местоимениями: *Мамака... нуани иолэни тэ'ни* – Старуха на него села; *Нуани килани ту тукиати сул'аидзига* – Рядом с ним все бегут лисички (Фольклор удэгейцев, с. 252, 246).

С причастиями: *Ситэдзигэ, ингъа од'о дигангкани чуль-дэ, хулилизэти* – Дети стали ходить, как сказал седой старик (букв. по велению старика) (Kyalundzyuga, Simonov, p. 1082); *Ути сакки сабдаини чуль б'адзау бу багдивау* – По этой каплюющей крови найдете наше жильё (букв.: кровь капание-ее-по) (Фольклор удэгейцев, с. 254).

В предложении сочетание «знаменательное слово + послелог» выполняет функцию обстоятельства или дополнения.

Таким образом, послелогов удэгейского языка можно отнести к разряду служебных слов. Этимологически в структуре послелога можно выделить основы имен с пространственным или временным значением. Разделение между послелогов и именами существительными произошло по трем основным критериям – в качестве послелогов используются, как правило, формы локативных падежей, общеграмматического значения послелога не имеют, частнограмматических категорий также нет, самостоятельной синтаксической функции не выполняют. Послелогов взаимодействуют со словами класса существительных: собственно существительными, местоимениями-существительными, причастиями-существительными.

Итак, послелогов – это служебный разряд слов, использующийся для связи слов в предложении. Отношения, выражаемые сочетанием слова в беспадежной форме с послелогом, аналогичны отношениям, выражаемым существительным в падежной форме.

Автор благодарит научного руководителя Бориса Васильевича Болдырева за внимание к данной работе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1, 1959; Т. 2, 1961.
- Он же. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000.
- Аничков И. Е. Можно ли считать проблему частей речи решенной? // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 116–128.
- Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. Т. 2.
- Кормушин И. В. Удыгейский язык. М.: Наука, 1998.
- МАЙТИНСКАЯ К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.
- Михневич А. Е. Проблемы частей речи и типы словообразования // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1968. С. 152–157.
- Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1.
- Суник О. П. Общая теория частей речи. М.; Л.: Наука, 1966.
- Он же. Вопросы общей теории частей речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968а. С. 33–48.
- Он же. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки народов СССР. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968б. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. С. 53–67.
- Он же. Удэгейский язык // Языки народов СССР. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968в. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки.
- Терещенко Н. М. К генезису частей речи (на материале самодийских языков) // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 292–300.
- Фольклор удэгейцев. Ниманку, Тэлунгу, Ехэ // Памятники народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1998. Т. 18.
- Цинциус В. И. Грамматический строй языка и проблема частей речи (на материале тунгусо-маньчжурских языков) // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 306–317.
- KYALUNDZYUGA V. T., SIMONOV M. D. An Udeghe Language Dictionary. Khor River Region Dialect: В 3 т. Стеншев, 1998.
- NIKOLAEVA I., TOLSKAYA M. A Grammar of Udihe. Berlin; The Hague: Mouton de Gruyter, 2001.